

⁶ Коротко об этом см: *Куц О. Ю.* О связях населения южнорусских городов с донскими казаками (по материалам второй четверти XVII в.) // *Очерки феодальной России.* М., 2000. Вып. 4. С. 153.

⁷ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 54. Л. 235—236.

⁸ В работе Н. А. Мининкова ошибочно: 40 руб. (см. с. 206). Ср.: РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 54. Л. 246.

⁹ Племянник «товарища» кн. И. Бярятинского Г. Орлова, о котором см. далее в тексте статьи.

¹⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 54. Л. 241—247. (Из расспросных речей в Разряде упомянутых членов посольства от 5 марта 1632 г.)

¹¹ Там же. Л. 239—241. (Из расспросных речей в Разряде кн. И. Бярятинского)

¹² Похоже, что ко времени продажи упомянутого казака Ивана уже не было в живых, поскольку сама Билек-Салтан показывала в расспросе, что ее продали «казаки», а не тот самый Иван.

¹³ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 54. Л. 251—252, 253, 254, 248, 246, 259—260. (Из расспросных речей полоняников.)

¹⁴ Там же. Л. 249—250. (Из расспросных речей полоняников.)

¹⁵ Реиз (тюрк.) — капитан, корабельщик.

¹⁶ Данные сведения были получены на Дону от некоего казака Павла («Панки») — вероятно, за деньги.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 54. Л. 284—286.

¹⁸ Там же. Л. 289—294.

¹⁹ См. нашу статью «О связях населения южнорусских городов с донскими казаками...»

²⁰ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 403, 414.

Е. Д. Беспаленок

ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ СМОЛЕНСКА И ВЯЗЬМЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЗАПАДНОРУССКОГО КУПЕЧЕСТВА XVII в.

Приходо-расходные книги внутренних таможен XVII века — весьма содержательный документ, активно используемый исследователями для изучения торговых оборотов местных рынков, внутренней

торговли отдельных городов и регионов. В то же время таможенные книги являются интересным и многогранным источником по истории купечества. Анализ материалов приходо-расходных книг таможен в сочетании с использованием других документов позволяет создать научную картину сложного процесса формирования купеческого сословия в России XVII в., исследовать характер экономической деятельности торговых людей, определить способы накопления и степень преимущества капиталов и, наконец, выявить торговые династии среди многочисленных и, в большей или меньшей степени, случайных участников торговли.

Таким источником по истории западнорусского купечества являются прежде всего приходо-расходные книги таможен Смоленска и Вязьмы. Хотя эти книги уже подвергались научному исследованию, их потенциал еще далеко не раскрыт. Наиболее изучены 4 книги смоленской таможни, относящиеся к 70-м гг. XVII в. и хранящиеся в фонде Приказа княжества Смоленского РГАДА¹. Эти книги относятся к числу наиболее подробных и содержат данные не только о суммах таможенных сборов, но и продавцах, их социальном положении, количестве и цене товара. Исследуя обороты и связи смоленского рынка 70-х гг. XVII в., К. Г. Митяев подробно проанализировал эти книги, специально разработал методику их изучения, провел статистическую обработку содержащегося в них материала².

Книги вяземской таможни заслуживают особого внимания. К. В. Базилевич справедливо отнес их к самым полным документам этой группы³. В фонде Боярских и городских книг РГАДА сохранилось 17 приходо-расходных книг Вязьмы. Их можно разделить на две группы: 1-я — 1649/50—1653/54 гг., 2-я — 1654/55—1679/80 гг.⁴ Такое деление обусловлено тем, что, во-первых, в 1653 г. была проведена реформа таможенного обложения, а во-вторых, осенью 1654 г. после успешных действий русских войск граница отодвинулась от Вязьмы на запад, центром торговли с западными соседями опять стал Смоленск, что существенно повлияло на структуру рынка и торговые обороты в Вязьме. Различается содержание записей книг первой и второй группы: в первой — больше сведений о направлении вывоза товарных партий, во второй более точны данные о ценах и количестве товаров. Вяземские таможенные книги первой группы использовались историком А. В. Демкиным с целью изучения внешней торговли России в западном направлении в 1649—1654 гг. Книги таможен Смоленска, Вязьмы и других городов были изучены автором этого сообщения при исследовании истории аграрного рынка, крестьянского хозяйства и торговли в Западном регионе России, а также стали основанием для работ по

истории западнорусского купечества⁵.

Одновременное исследование смоленских и вяземских таможенных книг представляет интерес потому, что, с одной стороны, эти источники относятся практически к одному региону и почти к одному временному отрезку (ряд книг совпадает по годам составления) с другой стороны, как раз в 70-е гг. XVII в. функционирование смоленского и вяземского рынков заметно различалось по характеру и направлению. Так, сравнение данных таможенных книг Вязьмы и Смоленска позволяет выявить существенные различия в сезонных колебаниях рыночной активности в этих городах. Наиболее целесообразно сравнивать изменение в течение года не абсолютного числа товарных явок (так как оно слишком разное в крупном торговом центре Смоленске и сравнительно небольшом городе Вязьме), а колебаний относительно принятого за *единицу* среднемесячного числа явок за каждый год и для каждого города отдельно. Таким образом, колебания рыночной активности рассматриваются как бы в едином масштабе. В результате можно отметить, что, во-первых, амплитуда колебаний в Вязьме значительно шире, чем в Смоленске. Так, в 1676/77 г. в Смоленске максимальное значение достигло всего лишь 1,5 (март), в то время как в Вязьме оно составило 3,2 (январь). Минимальные значения: в Смоленске — 0,7 (май—июль), в Вязьме — 0,01 (апрель—июль). Годовые колебания рыночной активности в Вязьме точнее соответствовали цикличности земледельческих работ, в Смоленске же они были больше связаны с сезонным состоянием торговых путей. То, что максимальные значения активности приходится в Смоленске и Вязьме на разные месяцы, — не случайность. Объясняется это тем, что Вязьма была теснее связана с деревней, крестьянским производством, поэтому многие вяземские торговые люди скупали сельскохозяйственную продукцию в уезде, тогда как смоляне занимались больше перекупкой и «отпуском» пеньки (главного товара областного рынка) за рубеж. Таким образом, вяземские и смоленские торговые люди действовали на разных уровнях рыночного механизма. Это подтверждает и аналогично проведенный анализ сезонных колебаний денежных оборотов — максимальные суммы таможенных пошлин с них тоже приходились на разные месяцы: в Вязьме — на зимние, когда крестьяне и скупщики привозили по зимнему пути товары, среди которых первое место занимала пенька; в Смоленске — на весенние, когда привезенная из уездов пенька отправлялась полой водой за границу (в Ригу) (см. графики 1 и 2).

Из сказанного следует, что параллельное изучение вяземских и смоленских таможенных книг позволяет исследовать торгово-предпринимательскую деятельность местного населения на разных этапах

продвижения товара от производителя к потребителю, рассмотреть взаимодействие различных категорий торговых людей, определить занимаемые ими ниши областного рынка, выяснить влияние различных условий торговли на формирование и даже устойчивость капиталов.

При анализе таможенных книг выявляется и существенное различие в составе торговых людей в Смоленске и Вязьме. Так, среди местных торговцев Смоленска выделились смоленские мещане (особая категория населения, отсутствовавшая в Вязьме). С 1673/74 к 1678/79 г. количество смоленских мещан, принявших участие в оптовой торговле, выросло с 60 до 89, хотя удельный вес этой категории снизился с 51,7% до 34,2%, что объясняется активизацией других категорий торговых людей. В Вязьме же первое место в оптовой торговле принадлежало вяземским посадским людям: в 1653/54 г. на местной таможене их было зарегистрировано 63 человека (76,8%), в 1673/74 — 70 (58,8%), в 1678/79 — 84 (67,2%). В то же время в Смоленске количество торговавших оптом посадских людей было незначительным — от 1 до 9 человек. Еще одно заметное отличие проявлялось в участии в местной торговле военнотрудового населения. В Смоленске, в пограничном городе, где постоянно находились 7 смоленских и московских стрелецких полков, стрельцы среди местных оптовиков составляли 40,5% (45 человек) в 1673/74 и 35,8% (93 человека) — в 1678/79 г. В Вязьме военнотрудовые (стрельцы, драгуны, рейтары, казаки) занимали среди оптовых торговцев более скромное место: 11% (9 человек) — в 1653/54, 19,3% (23 человека) — в 1673/74 и 10,4% (13 человек) — в 1678/79 г. Исходя из этих данных, можно сделать вывод об источниках формирования купеческого сословия в западных уездах России.

Таможенные книги позволяют подсчитать приблизительные суммы товарооборотов, которые оказываются довольно красноречивыми. Так, в 1678/79 г. 89 смоленских мещан явили на местной таможене 186 оптовых партий товара на общую сумму 24166,5 руб., что составило 65,5% всего оптового товарооборота в Смоленске, тогда как 93 стрельца сделали здесь 183 явки на сумму 5326 руб. (ок. 13%). В том же году денежные обороты 84 вяземских посадских людей составили в Вязьме сумму, примерно равную 2250 руб. Такая разница в оборотах связана главным образом с различной ролью этих групп торговых людей на областном рынке.

Анализ данных смоленских таможенных книг дает основания для утверждения о складывании специализации в деятельности отдельных категорий торговых людей. Так, большинство смоленских мещан специализировалось на торговле пенькой. В общей сумме их ежегодных товарооборотов ее доля составляла от 73,4 до 79,7%. При этом смоля-

не, вывозившие этот товар за рубеж, постепенно вытесняли с рынка своих конкурентов — витебских и могилевских мещан. Если в 1673/74 г. сами смоленские мещане вывезли за рубеж пеньки на 8351,4 руб., то в 1678/79 г. — почти в два раза больше — на 15336,8 руб. Второе место в товарообороте смоленских мещан занимал лавочный товар — 9—9,9%. Ряд смолян специализировался на торговле медом-сырцом и скотом. В торговле стрельцов заметно выделяются только два вида товаров: лавочный товар и скот. При этом в 70-х гг. XVII в. заметна тенденция к росту торговли скотом у стрельцов смоленских полков (с 26,4 до 40,7% их товарооборота), и развитию торговли лавочным товаром — у московских стрельцов (с 19,6 до 33,7%).

Специализация в Вязьме едва ли соотносится с различными категориями торговых людей, но по материалам вяземских таможенных книг можно сделать вывод о формировании специализации торговой деятельности вязьмичей в целом. К 70-м гг. XVII в. на первое место в общем товарообороте вязьмичей выдвинулась пенька, причем доля ее росла постепенно: в 1656—1658 гг. она составляла от 6,3 до 15,6%, а в 1674—1677 гг. — до 32,5% (2113 руб.). Хотя большинство вязьмичей специализировалось на торговле пенькой только в 70-х гг. XVII в., среди них встречаются и такие торговые люди, которые связали свою деятельность с этим товаром уже в 1650-х годах. Так, в 50-х, 60-х и 70-х гг. XVII в. пенькой торговали посадские люди А. и И. Гойдуковы и вяземский ямщик А. Корнев. Второе место в торговле вязьмичей занимал скот и продукция животноводства, причем к 1670-м гг. количество торговцев, специализировавшихся исключительно на торговле скотом, уменьшилось по сравнению с 50-ми гг. XVII в. Ряд вяземских торговых людей специализировался на продажах меда, «москотилной мелочи» и других товаров. В 70-х гг. XVII в. среди вяземских посадских людей выделялись братья В. и А. Зуевы, торговавшие главным образом «железным товаром» (сохами, сковородами и т. п.).

Как правило, выявляемая по материалам таможенных книг специализация торговой деятельности отдельных людей служит признаком, по которому среди случайных участников торговли можно выделить профессионалов, нередко бывших основателями купеческих династий. Ряд этих династий удастся установить уже по таможенным книгам (обычно — 2 поколения). Наиболее яркие примеры в Смоленске — мещане Любовецкие, Жданковы, Жуковы, в Вязьме — крестьяне Иоанно-Предтеченского монастыря Воронковы, посадские люди Барышниковы, Леляновы, Гойдуковы и др.

Судьбы этих династий можно проследить, используя материалы ревизских сказок, ведомостей городских магистратов и многих других

документов XVIII в. В сочетании с данными таможенных книг, эти материалы позволяют ответить на вопрос о степени преемственности капиталов. Так, в Вязьме, где положение было более стабильным, чем в Смоленске, к концу первой четверти XVIII в. сохранилось более 86% местных торговых фамилий, действовавших в XVII в. Высокая степень преемственности наблюдалась здесь и во второй половине XVIII в. В Смоленске же при переходе из XVII в XVIII в. сохранилось не более трети торговых фамилий, главным образом — из «старинных смоленских мещан».

Рассматривая возможности таможенных книг Смоленска и Вязьмы как источника по истории купечества Запада России, нельзя обойти и такую проблему, как недостатки этих документов. Прежде всего это неверные данные о цене товаров, что связано, с одной стороны, с ошибками и злоупотреблениями подьячих таможенных изб. С другой стороны, торговые люди и сами далеко не всегда называли верную цену своего товара, стремясь занижить ее, или скрывали истинное количество товара, которое и без того часто определялось «на глазок», существовал и контрабандный провоз товара. Не каждый случай «плутства» раскрывался, но казна настойчиво боролась с его проявлениями. В целом же количественные сведения таможенных книг хотя и страдают погрешностями, но вполне объективно отражают общую картину развития торговли во второй половине XVII в. Особенно ценны в этом плане относительные данные, позволяющие, например, наглядно сравнить торговлю казенных категорий торговых людей, сделать выводы о формировании их хозяйственной специализации и т. д. Более осторожно следует подходить к количественным данным таможенных книг, исследуя деятельность отдельных людей. Так, отсутствие явок у некоторых торговцев в определенные годы или малое их количество далеко не всегда свидетельствует о снижении активности торгового человека. В каждом случае требуется индивидуальный подход, анализ предшествующей и последующей деятельности человека, исследование обстоятельств его торговых занятий.

Сложности при работе с вяземскими и смоленскими таможенными книгами связаны также и с неточным указанием социального положения человека, регистрировавшего товар. Например, вяземский монастырский крестьянин мог быть назван (чаще — в смоленских книгах) просто «вязьмитином» или вяземский рейтар — «вяземским посадским человеком». Смоленские посадские люди иногда назывались просто «смолянами».

Составление картотек торговавших в Вязьме и Смоленске людей осложняется и тем, что в XVII в. не было общих правил написания

имен, отчеств и фамильных прозвищ. Кстати, последние в таможенных записях часто вообще отсутствуют. В таком случае только тщательный сравнительный анализ позволяет отделить, например, одного «Ивана Лукьянова» от другого «Ивана Лукьянова» или определить, что «Иван Левонтьев», «Иван Леонов сын Сухоплюев», «Иван Леонтьев сын Сухоплюев» и «Иван Сухоплюев» — один и тот же вяземский посадский человек.

Несмотря на указанные недостатки, таможенные книги Смоленска и Вязьмы являются ценнейшим источником по истории купечества XVII в. В них, как ни в каком другом документе этого времени, сконцентрирована информация о составе западнорусского купечества, его деятельности, складывании торговой специализации, развитии купеческих династий. Однако исследователь истории купечества не может ограничиться только одним, даже самым полным источником. Материалы переписей, записных книг приказов, расходных книг кружечных дворов и многие другие документы XVII и XVIII вв. позволяют существенно развить представление о процессе складывания купеческого сословия на Западе России.

Примечания

¹ РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Кн. 12. Ч. 1, 2.

² Митяев К. Г. 1) Обороты и торговые связи Смоленского рынка в 70-х годах XVII века // ИЗ. 1942. Т. 13. С. 54—83; 2) К вопросу о передаче содержания таможенных книг XVII в.: (Смолен. тамож. кн.) // Тр. МГИАИ. 1948. Т. 4. С. 283—300.

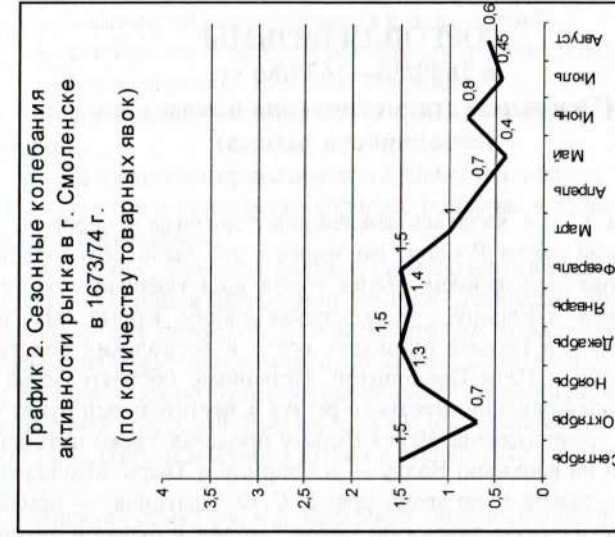
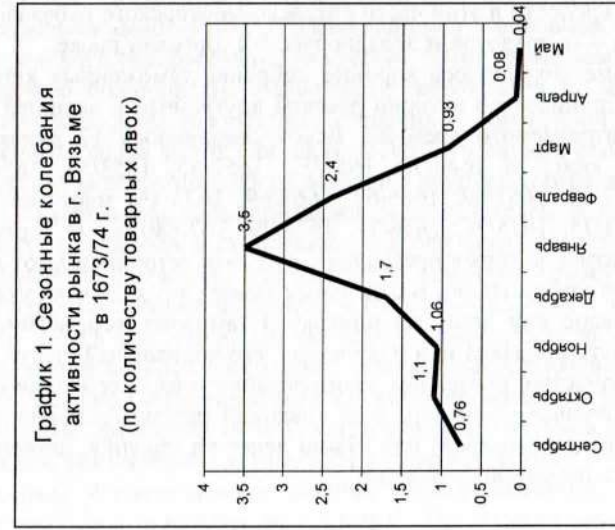
³ Базилевич К. В. К вопросу об изучении таможенных книг XVII в.: (Проблема внутренней критики источника) // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1936. Сб. 2. (Тр. Историко-археографического ин-та АН СССР; Т. 17). С. 75.

⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. (Вязьма). Кн. 14, 16, 18, 19, 21—24, 27, 28, 31, 33, 36, 38, 39, 40-а, 41.

⁵ Демкин А. В. Внешняя торговля России XVII—XVIII вв.: Западное и Северо-Западное направления: Очерки. М., 1995. С. 3—21; Беспаленок Е. Д.

1) Крестьянское хозяйство и рынок в западнорусских уездах во второй половине XVII—первой четверти XVIII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 1997;

2) Смена поколений и преемственность капиталов вяземского купечества в XVII—XVIII вв. // Экономика, управление, демография городов Европейской России XV—XVIII веков: История, историография, источники и методы ист. исследования: Материалы науч. конф. Тверь, 18—21 февраля 1999 г. Тверь, 1999. С. 49—53; 3) Полвека из истории смоленского купечества (70-е годы XVII в.—20-е годы XVIII в.) // Край Смоленский. 2001. № 1—6.

За 1 условно принимается среднемесячное количество явков за год (вертикальная ось)